

После 1139 г., вместе с переходом на киевское княжение черниговских князей Ольговичей, те же зодчие начали работать и в Киеве. Происхождение этой строительной артели пока неясно, но, в отличие от всех предыдущих примеров, где явно ощущалась столичная, константинопольская архитектурная школа, в Чернигов приехали мастера из византийской провинции, причем из такого района, где наряду с византийской основой было заметно и романское влияние. Очень вероятно, что мастера были вызваны в Чернигов князем Олегом Святославичем, женатым на гречанке и проведшим несколько лет в Византии.

Практика приглашения византийских зодчих продолжалась на Руси и в XII в., хотя в меньшей степени, чем в XI в. Так, безусловно византийскими строителями были возведены церковь Благовещения в Витебске, а несколько позднее церковь Бориса и Глеба в Новогрудке²¹. Судя по технике кладки (чередование рядов тесаного камня и кирпича-плинфы), эти мастера, вероятно, прибыли из района Балкан²². Какой-то византийский зодчий участвовал в строительстве церквей в Полоцке в первой половине XII в.²³ Во Пскове в 40-х годах XII в. по заказу новгородского епископа Нифонта византийский мастер руководил строительством собора Мирожского монастыря, о чем свидетельствует четко выраженная крестообразная композиция, совершенно не применявшаяся на Руси, но типичная для провинциального византийского зодчества²⁴.

Казалось бы, столь частые приезды на Русь византийских строителей должны были привести к тому, что вся русская архитектура не только XI, но даже и XII в. полностью повторяла бы византийские архитектурные формы. Между тем этого не произошло. Даже самые ранние памятники русской монументальной архитектуры, созданные, несомненно, под руководством византийских зодчих, очень существенно отличаются от памятников, возведенных на территории самой Византийской империи.

Чем же можно объяснить такое явление? Очевидно, здесь сыграли роль три основные причины. Во-первых, приехавшим на Русь архитекторам пришлось тут решать иные задачи, чем на родине, отвечать на иные запросы. Именно новое задание заставляло зодчих прежде всего отказаться от привычных решений. Киевский Софийский собор строился как главный храм вновь сложившегося мощного государства. Своей пышностью и великолепием он должен был отвечать этому назначению, о чем убедительно свидетельствуют русские письменные источники. Собор должен был иметь обширные эмпоры (иначе — хоры; на Руси их называли «полати»), которые могли бы вмещать большое количество людей. Здесь происходили торжественные церемонии княжеского и епископского дворов, прием иностранных послов и пр. В Константинополе император мог использовать для этой цели эмпоры Софийского собора, построенного в VI в.; при сооружении новых церквей нужды в подобных помещениях в Константинополе не было. Но осветить обширные хоры в киевском Софийском соборе, прикрытые снаружи вторым ярусом галерей, можно было только через окна барабанов дополнительных глав. Таким образом, многоглавие русских церквей этого периода, столь резко отличающее их от византийских, имеет функциональное объяснение: это — исполненное византийскими строителями приемами решение задачи, которую поставили перед мастерами на Руси²⁵. В киевском Софийском соборе имеется 13 глав; в новгород-

²¹ Каргер М. К. Церковь Благовещения в Витебске. — КСИА АН СССР, 1978, вып. 155, с. 71.

²² Подробную сводку материалов об этой технике см.: Reusche E. Polychromes Sichtmauerwerk byzantinischer und von Byzanz beeinflusster Bauten Südosteuropas. Köln, 1971.

²³ Раппопорт П. А. Полоцкое зодчество XII века. — СА, 1980, № 3, с. 157.

²⁴ История русского искусства. М., 1978, т. 1, с. 25 (текст Н. Н. Ворониной и П. А. Раппопорта). См. также: Лазарев В. Н. Древнерусские мозаики и фрески. М., 1973, текст перед рис. 188.

²⁵ Комеч А. И. Роль княжеского заказа в построении Софийского собора в Киеве. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси.